

УДК 339.9

ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

ДМИТРИЕВА А. Б.

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e-mail: aline_ph@rambler.ru

Данная статья посвящена изучению основных проблем развития интеграционных процессов в рамках ЕС, а также выявлению причин их возникновения. Доказано, что на сегодняшний день в условиях мировой финансовой и экономической нестабильности существенными препятствиями для дальнейшей интеграции на территории ЕС являются: финансово-экономическая и региональная фрагментация ЕС, выход Великобритании из состава ЕС, усиление протекционистских мер со стороны ЕС в торговле с третьими странами, миграционный кризис, долговой кризис стран еврозоны. Проанализированы внешнеэкономические связи ЕС, в том числе с Россией. Сделаны выводы о нестабильности и неравномерности развития стран-членов ЕС, что может ускорить дезинтеграционные процессы на территории современной Европы.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), фрагментация, долговой кризис, миграционный кризис, протекционизм.

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматриваются особенности и наиболее острые проблемы развития современных интеграционных процессов в рамках ЕС, в частности, вопросы фрагментации ЕС (финансово-экономической, региональной), дезинтеграционных процессов в ЕС (брекзит), усилении протекционистских мер в торговле с третьими странами, миграционном кризисе, долговом кризисе стран еврозоны.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Мировые финансово-экономические кризисы 2008–2009 и 2014 годов показали, что неизбежный процесс глобализации мирового хозяйства оказывает неоднозначное влияние на интеграционные объединения, в том числе и на ЕС. По этому вопросу четкую позицию занимает ЮНКТАД, опубликовавшая в своем докладе за 2017 год мнение о необходимости перехода от «гиперглобализации» и неолиберализма к инклюзивному росту. Объясняют эксперты ЮНКТАД данное обстоятельство тем фактом, что предыдущие модели экономического роста исчерпали свои возможности, в связи с чем необходима новая стратегия развития мирового

хозяйства. Данный их вывод имеет непосредственное отношение и к интеграционным объединениям в мировой экономике, многие из которых находятся в состоянии перманентного кризиса.

Так, экономическая и политическая взаимозависимость государств–членов ЕС породила серьезные проблемы, вынудив страны принимать меры для защиты от растущих рисков в условиях глобальной нестабильности. В качестве выхода из кризиса рассматривается ориентация на национальные приоритеты, что подразумевает протекционистскую торговую политику, защиту финансовых активов, применение мер, направленных против иммиграции иностранной рабочей силы. В условиях усиления разрыва в социально-экономическом развитии стран–членов для ЕС как интеграционного объединения реальной угрозой стало такое геополитическое и геоэкономическое явление, как фрагментация, являющаяся главным вызовом в современной мировой экономике [1].

Одними из ее проявлений в новом тысячелетии в ЕС являются неравенство регионов (NUTS–2) и неравенство в доходах, которые резко возросли, но эта проблема носит также и глобальный характер и касается не только стран ЕС, но и других развитых и развивающихся стран. Неравенство в доходах на душу населения, например, в американских городах–мегаполисах в 2016 году было на 30 % выше, чем в 1980 году [2].

На сегодняшний день в ЕС превалирует экономическая фрагментация, в основе которой лежит ее финансовая составляющая. Проблемы в финансовой сфере оказывают непосредственное воздействие на характер отношений между европейскими странами и на уровень международной конкурентоспособности их национальных экономик. Явления финансовой фрагментации в еврозоне характеризуются сильным разбросом размеров процентных ставок, предлагаемых государствам и частным компаниям. Инвестиционные банки не заинтересованы в предоставлении кредитов и займов финансовым институтам в странах, более других страдающих от последствий кризиса, считая их ненадежными должниками. Будучи не заинтересованными в рискованных операциях, банки преимущественно кредитуют только безопасных клиентов. Таким образом, отдельные лица или компании, имеющие одинаковый профиль, но работающие в разных странах (одни в так называемых безопасных странах, а другие – в странах, относящихся к группе риска), получают разные объемы финансовой помощи под разные процентные ставки (рис. 1).

Примером финансовой фрагментации в Европе являются Италия и Испания, где процентная ставка по займам почти в два раза выше, чем во Франции и Германии [3]. Небольшим компаниям в Испании в четыре раза чаще отказывают в кредите, чем немецким. Доступность кредита для бизнеса, прежде всего малого и среднего, в так называемых проблемных странах ЕС уменьшается, что сдерживает развитие промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг, снижает рентабельность предприятий, одновременно неблагоприятно сказываясь в целом на состоянии национальных экономик.

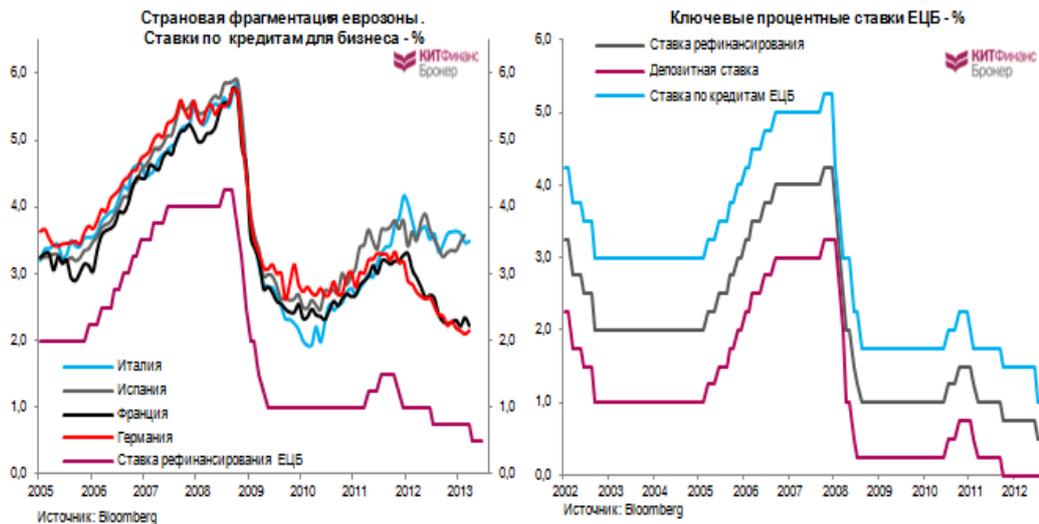

Рисунок 1. Страновая фрагментация еврозоны. Ставки по кредитам для бизнеса, %. Ключевые процентные ставки ЕЦБ, %.

Источник: статистика информационно-аналитического агентства Bloomberg.

Способствовал финансовой фрагментации стран ЕС и долговой кризис стран Еврозоны, пик которого пришелся на 2011–2012 годы, однако его последствия до настоящего времени не устранены. Принятые руководством ЕС меры по снижению внешней задолженности не дали желаемых результатов и во многом это объясняется тем, что до настоящего времени не разработано единого подхода к выявлению причин долгового кризиса в ЕС [4]. «Ни руководство Евросоюза, ни профессиональные экономисты до сих пор не смогли предоставить убедительного комплексного анализа и объяснения. По мнению большинства исследователей, европейский кризис – это кризис использовавшейся модели экономического роста» [5]. По оценкам экспертов МВФ, опубликованным в 2017 г., наиболее негативными для ЕС являются долги Греции, которые могут вовлечь страны Еврозоны в еще более глубокий кризис. С этими выводами не согласен председатель Еврогруппы, который полагает, что Греция и так делает все возможное для решения долговой проблемы [6].

В наименьшей степени долговой кризис из развитых стран затронул Германию, поскольку в этой стране традиционно ведущую роль в национальной экономике занимала обрабатывающая промышленность, в первую очередь, машиностроение. Именно поэтому экономический рост в Германии несколько выше, чем в среднем по ЕС (в последние годы 2 %) и Еврозоне (1,6 %) [7]. Мюнхенский институт экономических исследований (IFO) определил рост ВВП Германии в 2018 г. в 2,6 % против ранее предполагавшихся 2 % (в еврозоне он предположительно составил 2,1 % в 2018 г. и прогнозируется 1,9 % в 2019 г.). Эксперты IFO указывают на весомые показатели производственного сектора, потребительских расходов и строительной отрасли.

ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ...

Исторически во многом финансовые дисбалансы внутри ЕС явились следствием расширения зоны евро на Восток, присоединением к ЕС стран Центральной и Восточной Европы в 2004 году, которых «старые» члены ЕС рассматривали, в первую очередь, в качестве новых рынков сбыта. Вследствие этого разрыв в степени развития экономик стал определяющим фактором нарастания долгового кризиса в ЕС, который затормозил экономический рост как «старых», так и «новых» членов ЕС, замедлил конвергенцию экономического развития стран сложившегося интеграционного блока и сохранил значительные диспропорции внутри ЕС.

Так, резко снизился приток ПИИ в страны Еврозоны, пик которого пришелся на предкризисный 2008 год (рис. 2). После кризиса 2008–2009 годов странам Еврозоны так и не удалось восстановить предкризисный уровень привлечения ПИИ в экономику, хотя динамика реального ВВП и потребительских расходов граждан стран Еврозоны зафиксировала спад только в кризисные годы. При этом больше всего увеличились государственные расходы в связи с высокой социальной ориентированностью действующих моделей социально-экономического развития стран Еврозоны. Все они, за исключением южной Европы, имеют своей целью значительное перераспределение доходов государства в пользу социального обеспечения граждан, в том числе малоимущих. В таких странах, как Франция, все социально значимые отрасли находятся под государственным контролем – транспортные сети, газовые коммуникации, подача электричества и другие. Таким образом, в условиях нарастающих требований со стороны граждан, с одной стороны, и увеличением дефицита государственного бюджета – с другой, расходы государственного аппарата становятся несоразмерны с заложенными в бюджет суммами, а разрастающийся долговой кризис стран Еврозоны приводит к необходимости государства занимать денежные средства, которые впоследствии необходимо вернуть с процентами, используя средства государственного бюджета. Таким образом, получается замкнутый круг, приведший к нарушению Маастрихтских критериев странами–членами Еврозоны, экономический потенциал которых существенно различается.

Рисунок 2. Реальный ВВП Еврозоны по расходам за период с 1998 по 2014 год.

Источник: составлено по данным Thomson Reuters Datastream, Eurostat, European Central Bank.

Так, в 2016 г. наибольшая доля ВВП в ЕС принадлежала Германии (21,1 %), далее – Великобритании (16,0 %), Франции (15,0 %), наименьшая – Эстонии (0,14 %) и Мальте (0,07 %) [8]. Уровень государственных расходов к ВВП колеблется от 56,4 % во Франции до 27,0 % в Ирландии среди «старых» членов союза, и от 47–48 % в Хорватии и Венгрии до 31,4 % в Румынии – среди «новых». У стран ЕС–15 государственный долг в среднем выше, чем у ЕС–13: 85,7 % ВВП против 53,7 % соответственно. В основном это объясняется большим суверенным долгом у Греции (182 % ВВП), Италии (133 % ВВП) и Португалии (125 % ВВП). Таким образом, фактически как «старые», так и «новые» члены ЕС не выполняют требования Маастрихтских критериев [9].

Следовательно, региональная асимметрия в странах ЕС продолжает усиливаться, что и подтверждается статистическими данными. В восьми государствах, присоединившихся к ЕС после последних расширений, одна пятая часть населения живет на грани бедности: в Румынии – 25,4 %, в Эстонии – 21,6 %. Для сравнения, в Чехии близко к черте бедности живут 9,7 %, в Нидерландах – 11,6 % населения. При этом средний доход гражданина Германии более чем в пять раз превышает средний доход поляка. Осложняет ситуацию в ЕС и то обстоятельство, что происходит не только усиление диспропорций в социально-экономическом развитии различных регионов ЕС, но и увеличивается разрыв внутри самих стран–членов, например, между промышленным Севером Италии и малоразвитым аграрным Югом, различными испанскими регионами и др. Это способствует перемещению проблем из экономической в политическую плоскость. В частности, это относится к росту сепаратизма в регионах Европы (Каталония, Корсика, Шотландия и пр.) [4, с. 22].

В настоящее время решение проблем регионального развития носит односторонний характер и заключается в постоянном увеличении субсидий отдельным странам и регионам ЕС. Так, Европейский фонд регионального развития ежегодно выделяет около 100 млрд евро, направляемых в основном на поддержку регионального развития Польши, Италии и Испании. При этом в расчете на душу населения больше всего получают регионы Словакии, Латвии и Эстонии [10]. Такая политика вызывает противоположные оценки как среди руководства ЕС, так и с точки зрения представителей отдельных стран–членов данного союза.

Несмотря на существующие сценарии сохранения ЕС как наиболее развитого интеграционного объединения в мировой экономике, процесс фрагментации сегодня уже затронул ЕС в виде Brexit. При этом ключевой проблемой отделения Великобритании стал миграционный кризис, поскольку его преодоление требует значительных финансовых средств. По данным Der Spiegel, только на беженцев до 2020 года необходимо потратить 93,6 млрд евро, что серьезно дестабилизирует экономику ЕС.

Решение Великобритании выйти из состава ЕС является первым прецедентом в истории международной интеграции в период после распада Советского Союза и негативно отражается на будущем ЕС, усиливая позиции так называемых «евроскептиков». Законодательно потенциальный выход страны из состава ЕС был прописан в рамках Лиссабонского договора только в 2007 году, а действовать подобные нормы права стали с 2009 года, с момента вступления данного договора в

силу. До этого времени в нормативно-правовом поле ЕС возможности и механизмы выхода страны из интеграционного объединения предусмотрены не были.

Из текста статьи 50 Лиссабонского договора следует несколько определенных позиций.

Во-первых, все решения Европейского Совета должны приниматься квалифицированным большинством. Во-вторых, решение о выходе из ЕС должно быть принято в соответствии с Конституцией страны, изъявившей желание выйти из состава ЕС. На этом основании в Великобритании был проведен референдум, на котором граждане страны посредством голосования выразили свое мнение по поводу членства в ЕС – 51,89 % граждан проголосовали за выход из ЕС. В-третьих, все вопросы о дальнейшем политическом, экономическом, социо-культурном переустройстве взаимоотношений страны с ЕС решаются в процессе совместного обсуждения, результатом которого должен стать договор, в котором прописываются все условия выхода. Обсуждение не должно длиться более двух лет, в противном случае членство прекратится автоматически по истечении этого периода, если продление не было согласовано сторонами. В-четвертых, все законы ЕС теряют силу в государстве, вышедшем из состава ЕС, с момента вступления Договора в силу, в связи с чем в Великобритании был принят «Великий акт об отмене», представляющий собой документ, отменяющий силу европейского законодательства в Великобритании. В-пятых, государство может вновь стать членом ЕС на общих основаниях.

Ввиду того, что переговорный процесс по выходу Великобритании из состава ЕС ведется в строго закрытом формате, а в СМИ озвучиваются только промежуточные договоренности, можно сделать вывод о том, что прийти к консенсусу двум сторонам до сих пор не удалось. Этот факт подтверждается и отсрочкой принятия окончательного решения, а также тем, что в законодательстве (статье 50 Лиссабонского договора) не прописан сам механизм по выходу страны из состава ЕС, что еще больше осложняет ситуацию. Так, в данной статье не оговариваются дальнейшие вопросы взаимодействия в области двусторонней торговли и инвестиций, а также налоговых выплат и социальных трансфертов, дополнительного визового режима. В статье не прописано, какой статус приобретают граждане ЕС, проживающие в стране, которая выходит из состава ЕС, а также граждане данной страны на территории ЕС после выхода. Наконец, нет ответа на вопрос, будут ли действительны медицинские страховки, водительские удостоверения, дипломы и профессиональная квалификация людей после предполагаемого выхода страны из состава ЕС.

В сентябре 2016 года, на фоне итогов британского референдума, в ЕС возникла точка зрения, что они дают шанс придать развитию ЕС новый импульс, этот процесс самопереосмысления был формализован в рамках так называемого «Братиславского процесса» [11]. Основной обсуждаемой проблемой в рамках данного процесса стала дифференцированная интеграция, инициаторами которой являются ведущие страны-члены ЕС – Франция, Германия, Испания и Италия, которые образуют, таким образом, верхний уровень разносторонней Европы. Подобная модель развития ЕС ранее обсуждалась в качестве условия для преодоления интеграционного кризиса.

Однако с 1990–х годов в рамках данной концепции часто понималось нечто иное, существенно отличающееся от моделей, применявшихся в прошлом, а именно – «твёрдое ядро» Евросоюза, формируемое несколькими странами в рамках реализации концепции Кернеугора [12].

Наряду с усилением фрагментации в ЕС и долговым кризисом стран Еврозоны в рамках современной европейской интеграции существуют определенные трудности в области торговли с третьими странами. Так, свои внешнеторговые проблемы ЕС пытается решить в основном с помощью усиления протекционистских мер. Необходимо отметить, что подобные ограничения являются, как правило, вынужденными и вызваны возрастающим количеством поставляемой продукции из Китая на рынки ЕС по ценам ниже европейских. Одновременно продолжающаяся торговая война в рамках санкционного режима между ЕС и Россией, установленного в 2014 году после присоединения Крыма к РФ, также способствует снижению их двустороннего товарооборота. Поскольку директивы ЕС обязательны для исполнения всеми странами–членами ЕС, то отдельные государства не имеют возможности самостоятельно наладить торгово-инвестиционные отношения с Россией вопреки своему желанию и возможностям, например, Италия, Франция, Португалия, Греция и т. д.

Нельзя не отметить, что такая политика ЕС вызывает вполне обоснованную озабоченность в России, поскольку в географической структуре внешней торговли России ЕС занимает ведущее место. На его долю в 2018 году приходилось 42,7 % российского товарооборота. По данным ФТС России, из европейских стран основными торговыми партнерами России являются Германия – 29,2 млрд долл. США (125,3 %), Нидерланды – 22,8 млрд долл. США (110,9 %), Италия – 12,5 млрд долл. США (111,3 %), Польша – 10,4 млрд долл. США, Франция – 8,7 млрд долл. США (120,8 %). Невзирая на санкции, торговый оборот между Россией и ЕС в 2018 году вырос на 19,3 % по сравнению с 2017 годом и составил 294, 2 млрд долл.

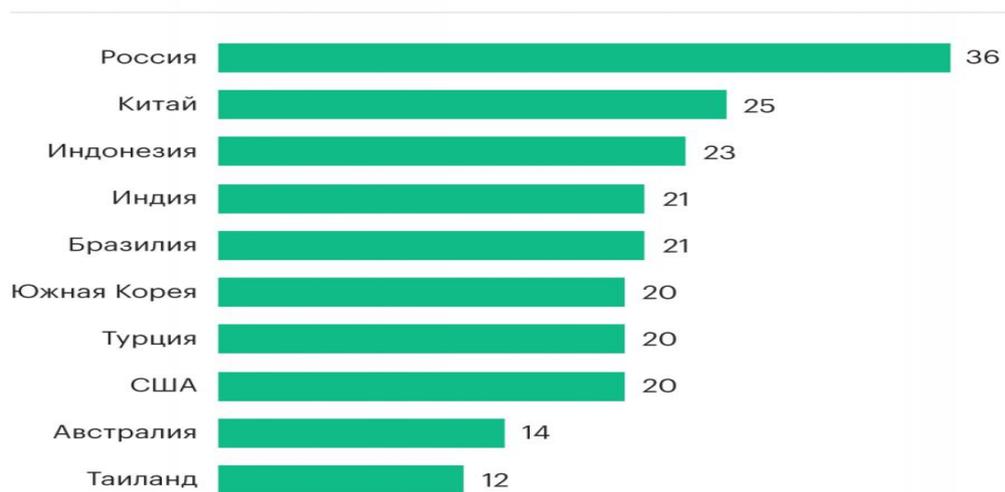
В целях экономического обоснования приведенных выше статистических данных необходимо сделать некоторые пояснения.

Согласно годовому докладу Еврокомиссии о торговых и инвестиционных барьерах, Россия по итогам 2017 года оставалась лидером по числу торговых и инвестиционных ограничений, действующих в отношении компаний из стран ЕС. В десятку стран с наибольшим числом действующих против ЕС торговых барьеров входят также и девять других членов «Большой двадцатки». В настоящее время в отношении ЕС действуют 36 введенных Россией торговых ограничений, тогда как у Китая их 25, у Индии – 21 и у США – 20 (рис. 1). Из 36 мер лишь одна напрямую относится к контрсанкциям – продуктовое эмбарго, установленное Россией в 2015 году в том числе и против стран ЕС. В 2016 году в отношении импорта из ЕС в России действовали 33 торговых барьера, из них 16 применялись на границе, 14 – внутри страны, а 3 представляли собой субсидирование, препятствующее торговле [13].

Кроме России в 2017 году новые торговые ограничения против стран Евросоюза ввели 39 его внешнеторговых партнеров, в частности, Китай ввел десять ограничений, а Россия шесть. В 2017 году перед компаниями из ЕС возникло в общей сложности 67 новых препятствий в торговле и инвестициях, в результате чего общее

число барьеров, существующих у ЕС с 57 торговыми партнерами, достигло исторического максимума (396 против 372 в 2016 году). Новые ограничения могут препятствовать росту европейского экспорта на 23,1 млрд евро (около 1,2 % всего экспорта ЕС за 2017 год). По данным Еврокомиссии, введенные в 2016 году ограничения, затронули экспорт на сумму 27 млрд евро. В свою очередь, по данным Международного экспортного центра, против России со стороны ЕС в настоящее время действуют 22 торговых барьера.

Число торговых и инвестиционных барьеров против ЕС

Источник: Еврокомиссия

© РБК, 2018

Рисунок 3. Количество торговых и инвестиционных барьеров против экономики ЕС
Источник: <https://www.rbc.ru/economics/28/06/2018/5b3374b69a794708af0432ec>

Таким образом, можно сделать вывод, что увеличивающееся количество нетарифных барьеров во взаимной торговле между ЕС и третьими странами, в т. ч. и Россией, приводит в целом к сокращению совокупного объема производства и снижению благосостояния населения, отражаясь негативно на покупательной способности менее обеспеченных групп населения что, в свою очередь, способствует усилению социально-экономической дифференциации и другим негативным последствиям. Так, на фоне уменьшения социальных выплат происходит массовое сокращение рабочих мест в крупных отраслях промышленности из-за нарушения правил торговли третьими странами в отношении ЕС. Ущерб от введения дополнительных мер защиты национальных рынков возрастает из-за растущей фрагментации производственных процессов между странами.

Учитывая то обстоятельство, что санкции со стороны ЕС против России в 2014 году были введены под давлением США, то реакция государственных руководителей и представителей корпоративных структур на данное решение руководства ЕС была неоднозначной, поскольку санкционные потери ЕС, по данным ООН, составили

76,7 % всех потерь от ограничений на торговлю с Россией. В перспективе, если санкционная политика ЕС в отношении России, по мнению как европейских, так российских экспертов, будет сохранена, то можно предположить, что противоречия внутри ЕС по данному вопросу будут усиливаться, и Россия может использовать эту ситуацию для продвижения своих интересов на территории ЕС [4, с. 33].

Именно вследствие указанных причин для защиты внутреннего рынка от конкуренции извне ЕС ввел новое законодательство. Так, 20 декабря 2017 года опубликован новый нормативный акт ЕС по защите в торговле [14], который изменит методы решения проблем субсидируемого импорта в ЕС из стран со значительными рыночными диспропорциями, вызванными, по мнению руководства ЕС, государственным вмешательством в экономику. Таким образом, вводится новый способ установления демпинга в импорте ЕС из стран, в экономике которых, по мнению европейских экспертов, происходят значительные отклонения от общепринятой мировой практики. После переговоров с правительствами стран-членов ЕС, Европейским парламентом и ЕК было принято решение, что в новом законодательстве будут сделаны исключения из норм и принципов ВТО для случаев так называемых «рыночных искажений», к которым относится чрезмерное вмешательство государства в экономику страны (это условие установлено, в первую очередь, для Китая) [15]. При этом новая методика ЕС может применяться к любому государству-члену ВТО.

Параллельно с публикацией изменений в антидемпинговом законодательстве Еврокомиссия опубликовала в 2018 году первый страновой доклад по Китаю, предусмотренный новым законодательством, поскольку основная часть антидемпинговой деятельности ЕС касается импорта из этой страны. Следующий доклад будет подготовлен относительно России. Таким образом, новое законодательство по защите внутреннего рынка ЕС направлено, главным образом, против Китая и России.

В настоящее время в ЕС антидемпинговыми и компенсационными пошлинами облагаются 15 категорий стальной продукции из КНР, и есть предварительные оценки Еврокомиссии, что цены на сталь в ЕС упали примерно на 40 % именно из-за увеличения китайского экспорта (примерно в два раза за последние два года) [16]. Однако усиление протекционистских мер ЕС осуществляется не только в отношении Китая, но, как уже указывалось выше, и в отношении России, которая также является одним из крупнейших экспортеров металлопродукции. По решению Еврокомиссии, наименьший размер пошлины на этот вид товаров установлен в размере 18,7 %, наибольший – 36,1 %. Антидемпинговые пошлины на российский и китайский прокат по решению Еврокомиссии введены на пять лет и применяются с середины декабря 2015 года. Обосновываются данные меры тем, что сталь в ЕС играет основную роль на первой стадии цепочки создания добавленной стоимости в производстве промышленных товаров.

Нарастающие противоречия в торговле с третьими странами вопреки нормам и правилам ВТО не завершают список насущных проблем в ЕС. Дополнительную нагрузку на бюджет ЕС с 2015 года создает неконтролируемая миграция. По данным Евростата, наплыв беженцев происходил из таких стран, как Сирия, Афганистан,

ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ...

Ирак, Косово, Албания и др. Основными странами, принимающими вынужденных мигрантов, оказались Германия, Швеция, Венгрия, Австрия, Франция, Италия.

Политика ЕС в решении данного вопроса была неоднозначной. В конечном итоге национальные правительства продемонстрировали разобщенность и индивидуальные взгляды по поводу квот распределения мигрантов между странами-членами ЕС. Германия, Франция, Испания, Польша и Нидерланды оказали наибольшее содействие принятию мигрантов, задержавшихся в Италии и Греции. Другие страны, например, Венгрия, вообще отказались от предоставления помощи странам-соседям ЕС в разрешении данного вопроса.

Спровоцированные США военные конфликты на территории Ближнего Востока, а также различные проблемы на территории Африки явились одной из основных причин массовой миграции. Отсутствие перспектив экономического развития в упомянутых регионах, а также надежда воссоединиться с уже осевшими в ЕС родственниками также спровоцировали дополнительный приток мигрантов и беженцев на территорию ЕС.

В результате ЕС столкнулся с неразрешимыми противоречиями. С одной стороны, ввиду желания сохранить интеграцию любыми способами необходимо было скоординировать миграционную политику стран-членов ЕС, чтобы противостоять подобной внешней угрозе, представляющей опасность финансовой, бюджетной, продовольственной и информационной безопасности ЕС. Но, как известно, к такому повороту событий руководство ЕС было не готово. С другой стороны, страны ЕС всегда отставали, в первую очередь, свои национальные интересы в рамках интеграционного объединения, о чем свидетельствует абсолютная разобщенность в принятии решений «старыми» и «новыми» членами ЕС в отношении миграционного кризиса. Данная проблема только усугубила дезинтеграционные процессы внутри ЕС и продемонстрировала отсутствие единой концепции по приёму и распределению беженцев по странам ЕС. Подобная реакция ЕС на возникший кризис обусловлена тем фактом, что в бюджетном планировании на период с 2014 по 2020 годы не предусмотрено такого количества дополнительных расходов на непредвиденные обстоятельства, в том числе на миграционный кризис. Не стоит забывать также о незавершившемся долговом кризисе стран Еврозоны, требующем по-прежнему огромных сумм из бюджетов экономически развитых стран ЕС для ликвидации его последствий.

ВЫВОДЫ

Первый вывод, который можно сделать по результатам анализа сложившейся в ЕС ситуации, сводится к тому, что в настоящий момент это интеграционное объединение подвержено различного рода рискам – финансово-экономическим, политическим, социальным, демографическим, экологическим и др. Рост дифференциации уровней социально-экономического развития государств, входящих в ЕС, делает интеграцию более уязвимой и неспособной противостоять внешним угрозам. Вследствие этого увеличиваются государственные расходы на обеспечение экономической безопасности своих государств и граждан, в том числе

безопасности финансовой (налоговой и бюджетной), продовольственной и информационной.

Во-вторых, принимаемые руководством ЕС меры по урегулированию последствий долгового кризиса на территории Еврозоны, не привели к желаемым результатам. Многие страны по-прежнему имеют высокий уровень государственной задолженности, что не дает им возможности выйти из кризисной ситуации и соответствовать критериям Маастрихтского договора. Кризисные явления 2008–2009 и 2014 годов только усилили диспропорции и финансовую фрагментацию стран Еврозоны.

В-третьих, такое явление, как брекзит, или добровольный выход Великобритании из состава ЕС, является беспрецедентным с момента распада Советского Союза. Ввиду неполноты и недостаточности соответствующих норм законодательства в ЕС осуществить подобный процесс Великобритании крайне затруднительно и поэтому срок по поводу принятия решения об условиях выхода истек, однако окончательного решения так и не было принято. Весьма вероятно, что такой вид фрагментации в ЕС будет иметь «эффект домино» и спровоцирует другие страны на принятие подобного решения о выходе из состава ЕС. Причиной этому могут послужить слишком высокое налоговое бремя и одностороннее финансовое перераспределение внутри ЕС на нужды стран, больше других пострадавших во время кризисов. Нарастающее недовольство граждан по поводу количества нерешенных проблем из-за нехватки средств в госбюджетах стран-членов также может ускорить дезинтеграционные процессы в ЕС.

В-четвертых, решение проблем в торговле с третьими странами путем усиления протекционистских мер является не лучшим выходом из сложившейся ситуации, однако такие меры являются вынужденными из-за недобросовестной конкуренции в рамках ВТО со стороны третьих стран в отношении ЕС. Европа справедливо старается защитить те отрасли промышленности, которые составляют основу ее экономики и обеспечивают рост промышленного производства. Такая позиция ЕС вполне обоснована, тем более что в рамках ВТО использование протекционистских мер в виде нетарифных ограничений не запрещается и, по сути, не ограничивается.

В-пятых, увеличение расходов госбюджетов на урегулирование проблемы неконтролируемой миграции также вызвало массовое недовольство граждан ЕС. Подобного рода внешний риск создает угрозу европейскому суверенитету и в дальнейшем вполне может способствовать исчезновению коренных европейцев. Начавшийся в 2015 году миграционный кризис уже привел к тому, что за два года статус беженцев в ЕС получили примерно 2,5 миллиона человек (около половины приняла Германия), в подавляющем большинстве мусульмане из Африки и Азии (исключая преимущественно христианскую Эритрею). Даже если ситуация в Сирии и Ираке стабилизируется, нельзя с уверенностью утверждать, что миграция из мусульманских стран в ЕС прекратится. Необходимо отметить, что у живущих в Европе мусульман рождаемость выше, чем у коренного населения. Таким образом, если сейчас мусульмане составляют 8 % населения Швеции, то по прогнозам европейских аналитических агентств, среди новорожденных их будет уже порядка 12–15 %. Таким образом, исчезает национальная самоидентификация коренных

европейцев, стираются традиционные культурные нормы, возрастает взаимопроникновение культур, что вызывает обоснованную обеспокоенность многих стран–членов ЕС и не способствуют коллективному решению накопившихся проблем.

Список литературы

1. Экономика Европейского союза: учебник для магистрантов / под ред. Б. Е. Зарицкого, Е. Б. Стародубцевой. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М., 2017. С. 92.
2. Simona Iammarino, Andrés Rodríguez–Pose, Michael Storper. Why Regional Development matters for Europe's Economic Future. Working Papers. WP 07/2017. European Commission [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/work/201707_regional_development_matters.pdf
3. Зарицкий Б. Е. Роль банков и фондового рынка в экономике Германии // Мир новой экономики. М.: Издательство: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. С. 93–108.
4. Прокофьев И. В., Каратаев С. В., Грибова Н. В., Захаров П. В., Трошин Н. Н., Холодков В. М., Дмитриева А. Б. Будущее глобализации под угрозой? // Проблемы национальной стратегии. М.: Издательство: Российский институт стратегических исследований. С. 11–56.
5. Потапова И. Долговой кризис в ЕС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirec.ru/2012-01/dolgovoi-krizis-es>
6. Макарычев М. Афины лишили будущего. Евросоюзу предрекают новый «греческий кризис» // Российская газета. № 7194 (28).
7. World Economic Outlook. October 2016. International Monetary Fund. P.3.
8. Неравномерность развития стран Евросоюза в 2000–х годах // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск 26. Ноябрь 2017 года. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 7.
9. Неравномерность развития стран Евросоюза в 2000–х годах // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск 26. Ноябрь 2017 года. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 12.
10. Динамика развития регионов Евросоюза // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск 27. Декабрь 2017 года. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 2.
11. The Bratislava Declaration and Roadmap // European Council, Council of the European Union, 2016. September 16 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/09/pdf/160916-bratislava-declaration-and-roadmap_en16_pdf/.
12. Федорцев В. А. «Кернеуора»: концепция, дискуссии, перспективы // Проблемы национальной стратегии. № 5 (44). 2017. С. 69–92.
13. Report from the commission to the European Parliament and the Council on trade and investment barriers 1 January – 31 December 2016. [Электронный ресурс]. URL:http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/june/tradoc_155642.pdf.
14. Регламент (ЕС) 2017/2321 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2017 года. Об изменении регламента (ЕС) 2016/1036 по защите от импорта, которые являются объектом демпинга со стороны стран, не являющихся членами европейского Союза, и регламента (ЕС) 2016/1037 по защите от импорта, которые являются предметом безвозмездного финансирования со стороны стран, не являющихся членами европейского Союза [Электронный ресурс]. URL http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2017.338.01.0001.01.FRA&toc=OJ%3AL%3A2017%3A338%3ATOC
15. ЕС утвердил новые правила торговли с Китаем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/91904>.
16. Банк России [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131389/.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019